Автор: Оргкомитет
27.12.2012 10:11

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2012" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2012 года.

1 место

Конкурсное стихотворение номер 75.

В булочную

Храни Господь двух бабушек бумажных
(и с ними иже всех, кто будет стар)
Когда они форсируют отважно
Бурлящий после ливня тротуар.

Когда они плывут в людском потоке,
Не слышащем, не видящем ни зги,
Убереги пергаментные щёки,
Их шелестящий шаг убереги.

На мокрой, скользкой, как стекло, брусчатке
Листов опавших вдоволь настели,
Вложи им силы в сухонькие лапки,
Уменьши притяжение земли,

Притормози Пежо, чтоб не обрызгал,
Развей туман густой, как молоко.
Им до Тебя добраться - близко-близко.
До булочной треклятой далеко.

2 место

Конкурсное стихотворение номер 10.

Сон прораба

Вечером – ласточки, ночью – летучие мыши
в воздухе летнем у стен суетливо снуют.
Кот полосатый сурово гоняет двух рыжих,
что-то кузнечики в травах прилежно куют.
На пустыре был заложен вчера супермаркет,
жались машины к домам оголтелой гурьбой.
Выправил смету прораб и убрал чёрный маркер,
и с головою ушёл в сновиденье, как в бой.

Через развязки, сплетения, ямы, траншеи
дрёма крадётся стигматом извечной войны:
и автокран, как жираф, тянет длинную шею,
месят суглинок бульдозеры, словно слоны.
Там, где в оплётке резиновой вьются лианы,
светятся лампочек жёлтых тугие плоды –
там по лианам скользят вверх и вниз обезьяны
и получают по пригоршне звёзд за труды.

Дремлет прораб, одурманенный горькой отравой,
и проступает сквозь джунгли убогий пустырь,
и подступает к окну разнобой разнотравья,
и навевает кошмары крылом нетопырь.
А поутру похмелится прораб, примет дозу,
глянет в окошко бытовки, не чая беды:

нет автокрана, исчез среди ночи бульдозер,
и повсеместно видны обезьяньи следы.

3 место

Конкурсное стихотворение номер 127.

Одна жизнь Дашратха Манджхи

Дело было недавно, почти вчера. Засекай полвека до наших дней.
Деревушка в Бихаре, над ней гора. И тропа в обход. И гора над ней.
Путешествие в город съедало дни, напрямик по скалам - смертельный риск.
Вот крестьяне и жили то вверх, то вниз. Да и что той жизни - навоз да рис.

Он - один из них, да, считай любой,
И жена-хозяйка, считай - любовь.
И гора смолола её, урча,
В хороводе оползня закружив.
До больницы день. Это птицей - час,
А, когда телегой, возможно, жизнь.

Тишина скользнула к его виску, прошуршала по глиняному порогу.
Неуклюже щерилась пасть окна, свежесломанным зубом белел восход.
И тогда крестьянин достал кирку и отправился делать в горе дорогу,
Потому что, если не можешь над, остаётся хотя бы пытаться под.

- Здравствуй, гора, - и удар киркой - это тебе за мою жену,
За скрип надежды по колее, бессилие, злость и боль.
- Здравствуй, гора, - и удар киркой - это тебе за то, что одну
Жизнь мне суждено провести в этой борьбе с тобой.

Он работал день, он работал два, он работал неделю, работал год.
Люди месяц пытались найти слова, а потом привыкли кормить его.
Догорит геройства сырой картон, рассосётся безумия липкий яд,
Только дело не в "если не я, то кто", и не в том что "если никто, то я".

- Здравствуй, гора, к чему динамит, я буду душить тебя день за днём,
Ломать твои кости, плевать в лицо, сбивать кулак о твою скулу.
- Здравствуй, гора, к чему динамит, ты ещё будешь молить о нём
Все эти двадцать калёных лет, двести палёных лун.

И гора легла под кирку его.
И дорога в город, примерно, час.
Потому что время сильнее гор,
Даже если горы сильнее нас.

Человек-кирка. И стена-стена
Утирает щебня холодный пот.
Потому что птицы умеют над,
Но никто иной не сумеет под.

Помолчим о морали, к чему мораль. Я бы так не смог, да и ты б не смог.
Деревушка в Бихаре, над ней гора. У горы стоит одинокий бог.
Человек проступает в его чертах, его голос тих, но удар весом.
Человек просто жил от нуля до ста. Да и что той жизни - земля да соль.

4 место

Конкурсное стихотворение номер 228.

Эмегельчин Ээрен. Дух продолжения рода

Черная кошка — ночь — свернулась вверху бытия.
Желтым злым медом текут глаза ея.
Она запускает когти елей и кедров в тела
Сладких форелей. Горящий ручей течет оттуда, где мгла.
Земля жжет босую пятку. В ночи земля отдает тепло.
В юрте две жирных бараньих свечи коптят, чадят тяжело.

Закрой глаза. Секунда — век. Закрой — и уже зима.
В юрте предсмертно кричит человек. Зверем сходит с ума.
В юрте — стоны, крики, возня. В зубах зажат амулет.
Ноги роженицы, как ухват, держат бешеный свет.
Тот, кого нет, ломает мрак, сквозь родовые пути
Продирается, сквозь лай собак: до холода, до кости.
Обнимает голову тьма. Луковицу — земля.
Винтись, грызись, - так входят тела в тебя, земная зима.
Зубья красны. Кровавы хвощи. Пещера: звездами — соль...
Дави, бейся рыбой, слепни, - ищи! - пробейся наружу, боль!

Тебя не ждали на этой земле. Тебя не звали сюда.
Плыви, червяк, голомянка, во мгле. Хрустальна небес вода.
Раздвинулись скалы. И хлынул свет. И выметалась икра
Слепящих планет!
Но тебя уже нет —
Там, в небе, где звезд игра!

Плачь, мать! Прижимай пирожок к груди! Сама месила его!
По юрте — снега.
По юрте — дожди.
Небесное торжество.

Ты рыбу жизни словила опять. Кто ей приготовит — нож?!
Ты выткала звездами полог, мать. Ты завтра в степи умрешь.

Но сын созвездья твои прочтет на черной глади ковра:
Вот Конь, вот Охотник, вот Ледоход,
Вот Смерти свистит Дыра.

А в самом зените — Кол Золотой отец крепко в матерь вбил:
Чтоб род продолжался его святой,
Чтоб тяжко качался живот над пятой...

...чтоб старой елью, слепой, седой,
Все помнила, как любил.

5 место

Конкурсное стихотворение номер 15.

От большой любви

От большой любви рождаются лучшие дети, ну, а то, что Юрис женат — ничего, не страшно, ты давно привыкла счастье держать в секрете, ты ещё посмотришь, кто тут — заблудший третий, Юрис чётко и ясно сказал — разведусь однажды.

От большой любви не скроешься, и не пробуй, всем известно — чувства не снабжены штурвалом, а когда тебе тридцать, зеркало смотрит строго, пахнет воздух предосенней смутной тревогой, — знай бери что дают — и не жалуйся, если мало.
--

Как-то неловко, неаккуратно вышло: Юрис сгорел от рака, да не развёлся. Но ведь дарил — пускай не кольцо, а кольца, да и живое наследство — хмурится, дышит, что-то поёт — почему про другое солнце, ты покупаешь ей всё, ты рада стараться! «Ну, ничего, — утешаешь, — потом ещё посмеёмся, звякни лучше подружке, сходи на танцы».

Это несправедливо — растишь принцессу, ждёшь короля ей, замка да платьев ярких — выросла зверь с наследственным лишним весом, пачкой стишат и Снейпом на аватарке. Ты, чёрт возьми, сдаёшься. Читаешь Роулинг. И нанимаешь старенькую поэтессу. Та говорит — не рифмуйте «крови» и «кровли». Детка шипит — мне иначе не интересно.
--

И не то что хвастаться нечем — дочь уехала за границу. Только всё не по-человечьи — ни карет, ни дворцов, ни принцев. Что там принцы — тебе бы внуков, только дочь не выходит замуж. В ставни Юрис стучится глухо — просыпаешься со слезами.

Это Юрис, конечно, Юрис, собрала отцовские гены. Нет чтоб жить, как мама — не

хмурясь, ведь любовь — одна — неизменна! Вспоминаешь: хотела сына. Получаешь книгу по почте.

Осень. Дымно, темно и сыро. Ничего не понять. Ни строчки.

6 место

Конкурсное стихотворение номер 117.

Шепчутся деревья

Шепчутся деревья, поскрипывая,
боятся заговорить со мной.
Снег обжигает кожу.

Куда в себе не пойдёшь,
Ливневый снег преграждает дорогу.
Набивается в ботинки под язычок,
Сыплется за шиворот мимо шарфа.

Собираю доказательства бытия Бога,
просто вдыхая воздух,
протягивая ладонь.

У моего друга - внутренний Мадагаскар.
Бесконечный пляж, яркий песчаный берег.
Много солнца и моря.

У подруги - внутреннее Монако.
Автомобили, яхта, рулетка,
быстро сорвать джек-пот.

Хотелось лет пятнадцать тому назад –
Внутренний Париж перед Рождеством.
Маленькое кафе, витрину антикварной лавки напротив,
Много старинных кукол,
Мишек тедди, помнящих Первую Мировую.
Мне приносят волшебный кофе,
Дольки апельсина в шоколадном фондю
И круассаны.
Сидеть, любоваться, вслушиваться, молчать.

Но у меня - внутренняя Нарния:
Ливневый долгий снег.

Жамевю* на грани фола. Обыденный мир,
Где терракт в христианском квартале Бейрута
Не вызывает ужаса у читателя утренней газеты.
Калеки-собаки на улицах,
распятые кошки по чердакам.
Детей забирают у родителей по звонку:
«Мама не давала конфеты до полдника.
Папа заставляет делать уроки».

Все мои страхи слились в один:
«Господи, не отпускай мою руку».

* Противоположность «Дежа Вю», состояние, когда все привычные люди и места, внезапно видятся незнакомыми и чужими.

7 место

Конкурсное стихотворение номер 69.

Аранжировка дождя

Я начинаю дождь как пьесу для фагота.
Он медленно гудит в округе и окрест.
И я тревожно жду одной заветной ноты —
когда фагот умрет, когда взойдет оркестр.

Я терпеливо жду волненья и простора
(волненья для души, простора для идей)
и медленно живу для власти дирижера.
А он — не человек, он — вымысел людей.

Он снова дирижер. Как вечно. Как внезапно.
Не верить не хочу. И счастлива вверять
его заботам — Рок, Вчерашнее и Завтра —
не чая уберечь, не мысля потерять.

...Задумайся, замри в неведеньи просторном.
Вот крыши расцвели. Вот меркнут фонари...
Я продолжаю дождь как тему для валторны
(всегда хотелось знать, что у нее внутри!).
Валторна унесет мятежные признанья.

Валторна утаит подробности беды...
Ты скажешь: «Это дождь...»
А я скажу: «Не знаю...»

Но дождь, конечно, дождь, круговорот воды...

...Ах, помню... Тоже — дождь. Удушливый. — Угарный
Он в городе торчал, как пьяный гарнизон.,.
Вот и ответ, за что я не люблю ударных!
За то и не люблю, что это — тоже он.

...Однако вдруг светлей. Но свет такой обманный,
дневной и не дневной... Открылась в небе щель.
Там кто-нибудь живет и ждет гостей незванных.
Не знаю, что теперь?.. Пускай виолончель!..

Как тихо!.. Но вчера казалось — можно тише
и жить, и говорить, и мыслить, и дышать...
Ты думаешь, нельзя?.. Ну что ж, так и запишем:
НАМ ТИШЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ - НАМ НЕКУДА ТИШАТЬ!

Пока еще жива мелодика протеста,
пока еще ведет мелодика любви —
я продолжаю дождь вступлением оркестра,
в нем тысяча стихий — поди останови!

Ни небо, ни земля души в нас не стесняют.
Но хочется понять, откуда в нас душа —
от неба? от земли?
Их дождь соединяет,
и глаз не оторвать — как пара хороша!

Вот случай разорвать круг жизнь окаянной!
Исчезнуть! Воспарить! растаять! упорхнуть!..

Я завершаю дождь как соло фортепьяно...
и долго не могу, заслушавшись, уснуть...

8 место

Конкурсное стихотворение номер 55.

В плацкартном вагоне

«Скорый» ход набирает, время его пришло ¬–
Измерять колесами Среднюю полосу.
А моя попутчица – как же не повезло –
Говорливая тетка, жующая колбасу.

И она все болтает, битком набивая рот…
Вот ведь, думаю, надо же – выдался мне «досуг»!
А она – про соседку, Путина, огород…
Начала о себе. Побежали мурашки вдруг.

И в глазах ее шевельнулось на самом дне
То, что с детства задолблено: взялся – тяни свой гуж…
Ее сын в девяносто пятом погиб в Чечне.
В девяносто девятом повесился спьяну муж.

Она, пот отирая со лба, говорит: «Жара».
Отхлебнув воды, улыбается: «Хорошо».
У нее умирает от рака в Москве сестра,
Она едет прощаться с последней родной душой.

Паренька жалеет: «Совсем еще не окреп.
Видно мать измаялась, бедная, ждать сынка!» –
Спит в наушниках тощий дембель, сопя под рэп,
С верхней полки свисает жилистая рука.

Все затихло, уснуло, съежилось, улеглось.
И вагон стучит колесами и храпит.
Но метет мозги бессонницы помело.
Сколько сорных мыслей…
какая из них пронзит,
прошибет, проймет до ядрышка, до нутра? –
«Я лишь пепел Европы, и здесь не моя страна»…

Как же сладко курится в тамбуре в пять утра!
За окном рябинно, розово. Тишина.

9 место

Конкурсное стихотворение номер 89.

ПМЖ

Ей – двадцать два, а ему – пятьдесят четыре
Он неопрятный, рыхлый, уже с брюшком.
В их захламлённой, как старый чулан, квартире
пахнет прокисшим пивом и стариком.

Молча терпеть и сносить все его капризы,
гогот и брань, шлепки поперёк спины
будет она, пока продлевает визу,

чтобы её не выгнали из страны.

Будет уборщицей, няней, ночной сиделкой,
зубы сцепив, зажмурив на всё глаза,
- Это ведь сделка, голубушка, просто сделка,-
будет твердить, а что ей ещё сказать?

Что написать постаревшей до срока маме,
как объяснить, что красный диплом – фигня?
Хочешь стать фрау – своими учись руками
жареное вытаскивать из огня.

Старый очаг на приснившейся в детстве дверце
жжётся и больно - выяснилось теперь.
Если родители делали выбор сердцем,
дочери просто ищут другую дверь.

Дверь, за которой мерещится Эльдорадо,
сытая, словно гусь к Рождеству, страна.
Только не надо задумываться, не надо,
будешь ли ты кому-нибудь там нужна.

Да и вернуться домой никогда не поздно,
маме на гроб успеть положить цветы.
Кто там уронит раскаянья злые слёзы?
Ты это будешь или уже не ты?

Вертится вихрь озарений и мыслей горьких,
сыто рыгает муж. За окошком – мрак.
Девушка засыпает в своей каморке.
Дверь заперта. Горит на двери очаг.

10 место

Конкурсное стихотворение номер 138.

Сестре

Помнишь наши рассветы в городе N?
Ты стремишься понять, как поёт вода, – я приручаю ветер.
За окнами март. Мы больны ожиданием перемен.
Под пальцами целый мир, ослепительно чист и светел.
Две девочки-пианистки – так трепетны и легки,
что даже слово «общага» для нас пока чужеродно.
Мы на втором этаже. На первом духовики.

За стеной – «народники».
Труба в кабинете под нами терзает Рахманинова:
страшная тайна всех музыкантов – «В начале было фальшиво».
Мы все – одной крови, одной мечты, одного пошиба.
Мы тоже с тобой совсем не росли расхваленными –
и пряников, и кнутов нам обеим с лихвой досталось,
но всё это так неважно, если идти вдвоём.
Нам кажется, тридцать – это такая старость!
Едва ли мы доживём.

Ты играешь романтиков – я углубляюсь в Баха.
Трубач старательно учит гимны новой весне.
Руки-крылья гудят и отчаянно ждут размаха.
Мы спорим до хрипоты, но сходимся, что честней
играть о том, что самих царапает изнутри –
даже в классике быть настоящими невыразимо проще.
...Ворчим: «Ну, восемь утра! Ну, суббота, чёрт побери!..»
Это потом он станет великим, а пока – играет наощупь.
И мы так же – наощупь – уходим дальше,
солнечно
переглядываясь,
от фальши –
к другому, прозрачному миру

соль ля си
соль ля до
ми
ре
до...

Это останется в нас – никуда не деться, –
дрожью в кончиках пальцев, печатью на дне зрачков.
Ты чувствуешь, тридцать – это такое детство!
Куда нам учеников?
Чему мы научим – распахнутым взглядам в небо?
Нашей книге ещё далеко до финальных ударов грома.
Убийца – дворецкий, я помню, но всё это так нелепо,
а вдруг у нас по-другому?
Ты струишься, будто вода, – я улетаю с ветром.
Совершенная магия в каждом звуке поющей о нас природы.
В городе N всё те же безумные розовые рассветы.
Мы просыпаемся
под «Вешние воды».